

ЮЛИЯ ТЕРНОВСКАЯ

Синее
золото

16+

Юлия Терновская

Синее золото

«Автор»

2021

Терновская Ю.

Синее золото / Ю. Терновская — «Автор», 2021

Затея с поездкой в Прованс стала для Марион Коул вызовом. Пари. Вызовом самой себе. И пари с отцом. Нет, никаких ставок и картинно разбиваемых рукопожатий. Лишь договор, который она взялась выполнить. И теперь Марион предстоит не только вытащить из финансовой ямы полуразвалившуюся ферму, но и научиться заново верить в людей, окунуться в омут внезапных чувств и узнать истинную цену «синего золота».

© Терновская Ю., 2021

© Автор, 2021

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Юлия Терновская

Синее золото

1

Если бы Марион Коул спросили, с чем у неё ассоциируется Прованс, то в первую очередь она назвала бы жару, затем – пчёл, и только потом – лаванду.

Нет, на самом деле её чувства и воспоминания не ограничивались только зашкаливающей температурой воздуха и насекомыми, их было гораздо больше. В память навсегда врезались напоённые щедрым солнцем пейзажи, бескрайние виноградники на фоне чистой синевы неба и, конечно же, лазурные лавандовые холмы, контрастирующие с куда более редкими, но не менее живописными золотистыми полями подсолнечника и пшеницы. Запомнились сонные деревенские улочки с домами из серо-бежевого песчаника, их яркие черепичные крыши, густая зелень горных склонов, средневековые часовни и монастыри, винные погреба, пёстрые ярмарки...

Буйство красок, когда-то вдохновившее Ван Гога и Сезанна, обрушивалось на человека, посетившего летний Прованс, с такой силой, что способно было свести с ума даже самого искушённого путешественника. Хотя самой Марион иногда казалось, что с ума здесь можно сойти и от менее возвышенных вещей. Например, она совсем не была готова к гастрономическим подвигам, которых от неё требовали местные жители, что возвели приём пищи в культ невообразимых масштабов. Или к тому, что французский, который она считала своим вторым родным языком, здесь окажется совсем не тем, на котором она привыкла изъясняться в Париже.

И всё же самым первым, что по прибытию схватило Марион в свои крепкие и горячие объятия, был настоящий летний зной. В Лондоне, где она провела большую часть жизни, лето обычно не спешило одаривать людей благословенным теплом, и, решившись на затею с поездкой на историческую родину матери, Марион ожидала встречи с ним больше, чем со всем остальным вместе взятым. Но Прованское тепло оказалось отнюдь не ласковым. И если в кондиционируемых помещениях аэропорта Авиньона, или автовокзала в городке Карпантра, ещё одной точки её протяжённого маршрута, жара ощущалась чем-то не очень комфортным, но вполне переносимым, то прибыв на автостанцию в крохотный Моден, Марион поняла, насколько ошиблась в своих ожиданиях.

Солнце перевалило далеко за полуденную отметку, когда она устроилась за столиком на террасе скромного кафе напротив автостанции. Заказав лишь стакан воды со льдом, Марион устало откинулась на спинку стула и, то и дело крутя в руках оказавшийся абсолютно бесполезным телефон, принялась ждать. Конечно, можно было взять автомобиль напрокат ещё в Карпантра и не тащиться в медленном рейсовом автобусе, но машину пришлось бы возвращать. А её путь, в отличие от пути туристов, для которых по большей части и существовал сервис проката, был в один конец. Поэтому, уповая на уговор с управляющим места, куда она направлялась, Марион стала дожидаться обещанной им машины. Кафе, как и уверял достопочтенный Клод Ру, оказалось единственным на небольшой улочке у станции, поэтому перепутать место встречи было невозможно. А значит, оставалось только набраться терпения.

Проводив взглядом девушку в лёгком цветастом платьице, Марион – в плотных джинсах, блузке и закрытых теннисных туфлях – почувствовала себя спёкшейся и до того уставшей, что уже сейчас, в самом начале пути, готова была пожалеть, что вообще решилась на эту поездку. Но вовремя себя одёрнула – отступить было не в её правилах, хотя предательский

голосок внутри неустанно вопил, что она, как последняя идиотка, позволила заманить себя в ловушку.

В памяти услужливо всплыли события последних недель. Перебирая их как бусины на нитке, Марион уже не впервые задумалась о том, что не заупрямься она тогда, всё могло бы сложиться по-другому. Но назад дороги не было. Она здесь, и сколько продлится эта добровольная ссылка теперь зависит только от неё самой.

– Это правда?

– Если ты о Блэ-де-Монтань¹, то да. – Отец, казалось, был само спокойствие. Будто они обсуждали одну из самых тривиальных сделок за всё время существования компании, а не расставание с памятным для их семьи местом.

– Но почему? – выдохнула Марион, опускаясь на стул напротив, всё ещё не до конца понимая, что именно её так задевает, заставляя всё внутри протестовать против такого решения.

– За землю дают хорошую цену. Содержать хозяйство таких размеров в сегодняшнем его состоянии невыгодно, я бы сказал – убыточно. Не говоря уже об имеющихся проблемах, долгах. Арендаторов почти не осталось, на туристов рассчитывать не приходится. Да и, по правде говоря, ты сама должна понимать, что полями и заводом надо заниматься, а уж на фермерство у меня совершенно нет времени. Как и желания, если быть до конца откровенным.

– А управляющий...

– ...уже пятый год собирается на заслуженный отдых, и, похоже, на этот раз не удастся уговорить его повременить.

– Но это же Блэ-де-Монтань...

– Да, детка, мне тоже жаль расставаться с фермой. Но поверь, так будет лучше. Земли примкнут к владениям Виктора Сезара, и будут использованы по своему прямому назначению. Это ведь далеко не самый худший вариант. Я бы даже сказал – лучший из возможных. У Сезара серьёзный агробизнес и совершенно иной подход к делу: техника, люди, оборудование, исследования. А Блэ-де-Монтань застряла в прошлом веке...

В те дни Марион заново и заново прокручивала в голове разговор с отцом, состоявшийся как-то вечером после семейного ужина. Не менее недели мысленно постоянно возвращалась в кабинет Джейсона Коула, спокойного, рассудительного, и несокрушимого в своих доводах. Она прекрасно понимала мотивы отца, понимала абсурдность своих внезапно проснувшихся ревностных чувств к местечку, в котором бывала-то в последний раз в раннем детстве. Но ничего не могла с собой поделать – на душе кошки скребли от мысли, что у родового гнезда семьи Моро будет новый хозяин. Это казалось предательством.

Конечно, если задуматься, не меньшим предательством было и то, что с момента гибели матери, сама Марион ни разу так и не посетила Блэ-де-Монтань. Даже когда не один год жила по ту сторону Ла-Манша. Всё это время она не особо интересовалась жизнью и делами фермы, просто знала, что где-то на юге Франции есть издавна принадлежавшая её семье земля. Сначала Марион поглотили учёба в Парижской школе изящных искусств, творчество во всём своём разнообразии, богемные тусовки и выставки. Затем был продолжительный роман, помолвка, подготовка к свадьбе. А потом – разрыв, депрессия, несколько лет апатии ко всему, что она так любила раньше. Ни искусство, ни путешествия, ни другие мужчины – ничего так и не смогло её встряхнуть, заставить жить, наслаждаясь каждым днём, как это до того, как её сердце растоптали. И тогда она забросила всё, ради чего жила до этого момента, и стала помогать отцу с делами. Джейсон Коул поначалу не особенно и верил, что дочь, с её творческим складом ума и романтической натурой, сможет добиться существенных успехов на новом поприще. И был

¹ Bleu de Montagne – горная лазурь, лазурит; дословно: горный синий цвет (фр.)

весьма удивлён, когда его малышка Мари неожиданно «показала класс» в сфере, к которой раньше не испытывала тяги.

Марион впитывала знания как губка, и, окончив престижные курсы менеджеров, пережив неприятие коллег и снисходительные взгляды партнёров отца, влилась в бизнес, показав себя здравомыслящим человеком, не боящимся работы и трудностей. И пусть на это ушло достаточно много времени, она добилась того, что её перестали называть всего лишь дочкой босса, и с её мнением стали считаться.

Вершина была покорена, но это не сделало Марион счастливее. В свои тридцать два она была человеком, успешно построившим карьеру, но чувствовала себя не на своём месте. Это видели её родные, это знала она сама. Наверное, именно поэтому Марион и позволила заманить себя в авантюру с фермой. Ведь если вернуть упущенное, изменить то, что уже свершилось, не представлялось возможным, то как-то повлиять на ход событий, которые только должны произойти, было в её силах. И это осознание грело изнутри, вселяло надежду, что не всё потеряно, что есть ещё вещи, способные затронуть её душу. Заставить покинуть привычный мир, который с каждым годом все сильнее и сильнее затягивал Марион, заставляя погрязнуть в серой обыденности, где нет места ярким краскам, а есть только разбавленные бесцветностью рутины полутона.

К тому же во всей этой истории с фермой чувствовалась рука Хелен, её мачехи, имеющей определённое влияние на некоторые решения отца. Марион не совсем понимала, какие цели преследует Хелен, подталкивая её решиться на поездку во Францию, но всегда считала мачеху мудрой женщиной. И, несмотря на то, что они так и не стали подругами, вполне доверяла её интуиции.

Эта затея стала вызовом. Пари.

Вызовом самой себе. И пари с отцом.

Нет, никаких ставок и картинно разбиваемых рукопожатий. Лишь договор, который она взялась выполнить.

Марион уже и не помнила, как получилось, что одна из бесед после памятного разговора о судьбе Блэ-де-Монтань закончилась этим договором. Джейсон и Хелен обставили всё так, что она сама, будучи в здравом уме и твёрдой памяти, вызвалась наладить дела на месте, найти нового управляющего и передать ферму в его руки. В течение недели были оформлены все полагающиеся бумаги и доверенности, переданы коллегам дела, которыми Марион занималась в компании, куплены билеты и собраны чемоданы. Чистой воды авантюра затянула её в свой омут прежде, чем она успела опомниться. Но отступить было поздно. Появилась новая вершина, которую Марион Коул собиралась покорить. И пусть в фермерстве она понимала не больше, чем в своё время в отцовском бизнесе, освоение новой профессии не было для неё в новинку.

Лондон проводил её дождём и странноватым напутствием мачехи, проронённым той словно невзначай: «Надеюсь, ты наконец найдёшь то, что потеряла, дорогая». И если дождь Марион посчитала хорошим знаком, то слова Хелен окончательно убедили её в том, что она попала в искусно расставленные сети.

2

Ждать пришлось долго. Час промариновавшись в кафе, Марион уже хотела плюнуть на обещание управляющего прислать машину к оговорённому времени, и найти транспорт в Блэ-де-Монтань самостоятельно. Должно же в этой дыре быть такси? Но сделать этого не успела – у станции остановился допотопный «Ситроен», а резво выпрыгнувший оттуда старичок целеустремленно направился к террасе.

– Прошу прощения, мадемуазель Коул... Вы ведь мадемуазель Коул? – француз говорил до того быстро и неразборчиво, что Марион впервые усомнилась в том, что прекрасно понимает по-французски. – Верно, кем же вам ещё быть, – не дав проронить ей и слова, он сам ответил на свой же вопрос. – Вы очень похожи на покойную матушку! Софи была чудо как хороша, я помню её ещё крохой. Бывало, заползёт мне на колени: «Бертран, ты женишься на мне, когда я вырасту?» Я и сам был тогда совсем молодой олух: «Нет, дорогая, я буду дряхлым стариком, ты на меня и не посмотришь». Кто ж знал, кто ж знал, что мне отмерено Господом больше, чем малышке Софи...

Мужчина был невысок, коренаст, с выпирающим брюшком, на которое он до смешного высоко натянул пояс брюк. И хотя лицо старичка покрывала сеть глубоких морщин, а волосы давно выбелило время, движения его оставались по-молодому резвыми, а глаза лукаво светились, когда он, улыбаясь из-под кустистых усов, стал осыпать Марион комплиментами, половину из которых та не поняла. Это потом она с досадой осознает факт, что местный диалект сильно отличается от того языка, на котором она легко изъяснялась раньше. А сейчас Марион лишь напряжённо вслушивалась в крайне эмоциональную речь мужчины, гадая, что за необычный акцент у собеседника.

– Месье Бертран, – прервала Марион старика, надеясь, что правильно расслышала имя, – а где же месье Ру? Второй день не могу до него дозвониться...

От Марион не укрылась перемена настроения старичка, когда она произнесла имя управляющего Блэ-де-Монтань.

– О-ла-ла, мадемуазель Коул, вы не знаете, – не менее эмоционально, но уже с совершенно иной интонацией заключил он. – Простите старого дурака. Не представился, не объяснил ничего. Бертран Дюпон, ваш ближайший сосед, когда-то работал на вашего деда. – Марион пожалла протянутую руку. – А старина Клод, упокой Господь его душу, так и не дождался заслуженного отдыха... Сердце.

– Но почему мне не сообщили?! – со смесью удивления и негодования воскликнула Марион.

Она была по-настоящему огорошена новостью. И как ей теперь разбираться с делами хозяйства? Ведь Клод Ру был единственным, кто мог ей помочь.

Бертран замялся.

– Такими вещами обычно занимался сам Клод... Простите, мадемуазель Коул.

Марион поняла, что нелепо спрашивать с добродушного старика-соседа то, чего он делать был абсолютно не обязан.

– Нет, это вы простите, месье Дюпон. Меня столь печальные новости слегка... ошеломили, – попыталась она оправдать свой тон. – И, пожалуйста, просто Марион, – решила сгладить впечатление.

– Хорошо, мадемуазель Марион. Но и вы уважьте старика – никаких фамилий, для вас я также просто Бертран. Что ж мы стоим? – спохватился он. – Прошу, пойдёмте.

Погрузив багаж в кузов видавшего виды грузовичка, собеседники устроились на передних сидениях. Марион вполуха слушала весьма словоохотливого соседа, попутно рассматривая местность через опущенное окно – никакого кондиционера, понятное дело, в старой раз-

валине не было. Движение создавало иллюзию, что солнце палило не так нещадно – подставив лицо потокам воздуха, немилосердно треплющим её тёмные, немного не достигающие до плеч волосы, Марион размышляла о сложившейся ситуации. Смерть Клода Ру чрезвычайно всё усложняла...

Грунтовая дорога тем временем петляла, неустанно поднимая путников всё выше и выше – местность была предгорной. По словам Бертрана, в долине, где расположилось селение Блэ-де-Монтань, был собственный микроклимат, а горные склоны на северо-западе защищали её от сильных ветров – даже легендарный Мистраль там был не столь зловец. Но имелись в таком географическом положении и свои минусы. Например, дорогу, и сейчас ухабистую, во время разлива горных ручьёв и вовсе размывало напрочь. Рейсового транспорта в Блэ-де-Монтань не ходило, а туристы предпочитали места с более развитой инфраструктурой – даже худой гостиницы, и той в старой деревушке не наблюдалось.

Виноградники, казавшиеся бесконечными по пути из Авиньона в Моден, уступили место лугам, то и дело перемежающимся дикими садами и рошицами. Попадались и одиноко стоящие раскидистые вечнозелёные дубы, можжевельниковые деревья и даже кедр. А уже на подъезде к Блэ-де-Монтань открылись виды на лавандовые поля, ещё сизо-зеленоватые, не налившиеся лиловыми оттенками, и небольшие горные террасы, засаженные подсолнечником или дынями, а то и вовсе пустующие и благоухающие разнотравьем. Даже неопытному взгляду было видно запустение, и сразу становилось ясно – земли переживают не лучшие свои времена. Вот что бывает, когда хозяйство теряет заботливого хозяина – Этьена Моро, деда Марион по материнской линии, не было в живых уже больше четверти века.

Марион, витающую где-то далеко в своих мыслях и обрывочных детских воспоминаниях, на землю вернули звуки, внезапно донёсшиеся откуда-то сзади. Вздвогнув, она обернулась, узрела их источник и ошарашенно на него уставилась.

– *Porca miseria, che cazzo è? Che cazzo sto faccendo qua?*

Отборная брань – а судя по интонациям, это была именно она – похоже, была итальянской. Как и тот, кто её произносил – в смуглокожем мужчине с помятым лицом, заросшем трёхдневной щетиной, с растрёпанной смоляной шевелюрой и краснющими глазными белками, в совокупности с услышанным, без труда угадывался представитель соседнего государства.

Только... каким образом он оказался на заднем пассажирском сидении? Вернее, как его можно было не заметить? Ответ напрашивался сам собой – мужчина, судя по всему, был в полнейшей отключке и всю дорогу не подавал признаков жизни. А Марион, не ожидавшая подобного подвоха, не озадачилась заглянуть назад, дабы иметь возможность заметить ещё одного пассажира грузовичка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.